

«Зеленая улица» для «КОСМОПОЛИТОВ»

Как критик Юзовский решил, что понимает
в театре больше, чем вождь народов

Там, где отсутствует свобода информации, неминуемо рождаются слухи. По части «версий» у нас все в порядке. И прежде, и теперь, когда как будто бы пиши о чем хочешь и сколько хочешь. Отсюда и рождаются апокрифы, почти как в Святом писании...

Вот было в нашей жизни такое позорное явление, как «борьба с космополитизмом», а точнее, охота на ведьм. Об этом уже столько раз писали, по-своему объясняя причины. Документально, к примеру, известно письмо редактора отдела литературы и искусства «Известий» Анны Алексеевны Бегичевой, «сигнализовавшей» в отдел культуры ЦК КП(б) о неблагополучном положении на идеологическом фронте. Многие ее соображения были затем обнародованы в знаменитой редакционной статье в «Правде» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков».

Между тем один из оболганных «героев» этой статьи известный критик Юзеф Юзовский имел собственную версию развития событий. Виновником развязывания кампании борьбы с «безродными космополитами» он считал... лично себя.

О чем Юзеф Ильич и поведал мне.

Художественный театр, оставшись не только без Станиславского и Немировича-Данченко, но потерявший к тому времени почти все первое поколение и совсем еще молодого Хмелева, стал явственно агонизировать. На его сцену потоком хлынули чудовищные поделки, отмеченные бессовестной конъюнктурой. Среди других оказалась и пьеса из жизни железнодорожников А. Сурова под символическим названием «Зеленая улица». После просмотра Юзовский откровенно переговорил с Месхетели, который в то время административно воз-

главлял театр. Нет, критик не метал молнии, он просто выразил некоторое беспокойство — в том смысле, что не пора ли театру задуматься над тем, во имя чего он когда-то был создан? И что сказали бы Константин Сергеевич и Владимир Иванович, если бы они увидели сегодня, к примеру, ту же «Зеленую улицу»?

Месхетели решил премьеру отложить. Но, к несчастью, МХАТ был любимым театром Иосифа Виссарионовича, и он не мог отказать себе в удовольствии присутствовать на новом спектакле. Каково же было удивление вождя, когда он обнаружил, что вместо объявленной «Зеленой улицы» в тот день играли «Три сестры». В антракте Сталин вызвал в ложу Месхетели и потребовал объяснений. Зная характер хозяина, Месхетели не стал лукавить и честно рассказал все как было. Вне себя от гнева товарищ Сталин спросил: кто такой Юзовский? Он что, воображает, что понимает больше, чем мы, члены Политбюро? И как вы могли пойти у него на поводу? Да ведь это политическая провокация!

Перепуганный Месхетели в тот же вечер передал содержание разговора с вождем виновнику скандала, который жил тогда по соседству с театром. Но Юзовский не мог предвидеть, какой бедой уже через несколько дней отзовется эта история не только для него, но и для многих его коллег. С той поры Юзеф Ильич опасался настаивать кого бы то ни было на путь истинный. Даже после смерти Сталина. Он писал серьезные труды и старался не вмешиваться в живой творческий процесс.

Кто может упрекнуть его за это?..

Борис ПОХОРОВСКИЙ
Веч. Москва. — 1997. — 11 февр. — с. 5